

«СВЯТАЯ К МУЗЫКЕ ЛЮБОВЬ...»

Валерий Полянский в особом представлении не нуждается: советский и российский дирижер, профессор Московской консерватории, народный артист России, известный музыкально-общественный деятель. Первый опыт дирижирования хором получил в 13 лет, после окончания музыкальной школы, а в 22 года уже создал свой камерный хор, который спустя 4 года получил всеобщее признание на международном конкурсе в Италии. А самого Полянского восторженные итальянцы назвали подлинным Караяном хорового дирижирования, обладающим исключительно яркой и гибкой музыкальностью.

На международном фестивале духовной музыки «Магутны Божа» в Могилеве у любителей классической музыки была прекрасная возможность послушать концерт Государственной академической симфонической капеллы России, которой маэстро руководит более 20 лет. Программа его пребывания в Могилеве была расписана по минутам. И, чтобы поговорить с известным дирижером, журналистам пришлось набраться терпения и ловить его в паузах между репетициями и концертами.

— Насколько вам лично близка тема фестиваля? И что в вашем понимании духовная музыка? — поинтересовалась корреспондент «СЭ» у Валерия Полянского.

— Несмотря на то, что родился уже после войны, я всю жизнь занимаюсь церковной музыкой. Вообще духовная музыка — понятие всеобъемлющее, которое включает в себя не только церковную музыку, но и классическую. У того же Чайковского помимо литургии, всенощных бдений и других подобных произведений есть сочинения совсем не церковные. Мы пытаемся петь хороших композиторов, стараемся раскрыть то светлое и мудрое, что несет эта музыка, приучать наших зрителей к прекрасному звучанию, высокому жанру. Духовность — это все то, что помогает нам стать полноценными людьми, любящими тех, кто живет рядом. Мне кажется, что подобные фестивали этому очень способствуют. Жалко, что их мало.

Было время, когда я часто бывал в Беларуси, у меня был свой фестиваль в Полоцке. Туда приезжало много интересных коллективов и исполнителей — Елена Архипова, Геннадий Рождественский, ваш земляк Олег Янченко, хоровая студия «Весна», оркестр из Нидерландов. Помню те незабываемые концерты в Софийском соборе, которые собирали людей со всей Беларуси. Фестиваль проводился в апреле и длился 10 дней. Помню, даже минская филармония обижалась, что все это проходит не в Минске, а в Полоцке. В моем коллективе остались музыканты, которые до сих пор с удовольствием вспоминают этот чистенький городок, гостиницу, доброжелательных людей и публику, которая приходила на эти концерты.

— Вы руководите одновременно хором и оркестром, насчитывающим две сотни человек. Насколько сложно управлять таким огромным коллективом и как добиться того, чтобы он работал, как единый организм?

— Мы много работаем, требования высокие, а условия не всегда такие, какие хотелось бы иметь. Поэтому приходится приспосабливаться. Но мы друга любим. Требовательность присутствует, когда я на сцене, а когда заканчивается работа, мы все

друзья. В моем понимании дирижер в наше время первый среди равных. Можно добиться большего и более интересного результата, если люди работают с удовольствием. Я сторонник того, чтобы коллектив жил дружно. Вот мы все приехали в Могилев, вместе

ехали в автобусе, жили в гостинице, обедали, вместе шли на репетицию, потом на концерт. То есть большую часть суток мы проводили не в семье, а среди своих коллег. Когда люди хорошо относятся друг к другу, они хорошо себя чувствуют. И потом, хорошая музыка лечит не только душу, но и тело. Это научно доказано.

— Ваш хор считается одним из уникальных в России и пользуется огромной популярностью за границей. В чем секрет?

— Хоровое исполнение вообще очень тонкое искусство, тяжелый труд. Чем отличалась старая Россия? Там всегда были профессиональные хоры. В Европе их не было. Российское профессиональное пение до 1917 года было очень сильным и активным, во всех православных соборах имелись свои хоры. И русские композиторы писали на церковные сюжеты. На большие церковные праздники собирались все коллективы, которые были в Москве. После 1917 года все это ушло. Хотя даже при советской власти в России оставались профессиональные хоровые коллективы, что очень важно. До сих пор на Западе профессиональные хоровые коллективы есть только в оперных театрах. А на какие-то большие мероприятия они собирают преимущественно любителей. В Советском Союзе было много любительских хоровых коллективов, сейчас их количество уменьшилось. То, что в наши дни пытаются возродить хорошее пение, это хорошо. Когда люди в

«В моем понимании дирижер в наше время первый среди равных. Можно добиться большего и более интересного результата, если люди работают с удовольствием».

коллективе общаются с прекрасным, они становятся совершенно другими.

— В советское время многие композиторы, которые писали духовную музыку, просто были вычеркнуты из истории. Вы занимаетесь возрождением забытых произведений прошлого. Насколько сложно сегодня восстановить то, что было утрачено?

— Необыкновенно интересно открывать что-то новое и показывать людям. При этом испытываешь огромное удовлетворение от того, что исправляешь ту несправедливость, которая была когда-то совершена по отношению к тому или иному автору или сочинению. Такая же история в свое время постигла Первую симфонию Сергея Рахманинова, которая провалилась на премьере. В этом был виноват дирижер, но Рахманинов сжег всю свою партитуру. И только благодаря Александру Гауку и тому, что сохранились оркестровые партии, удалось восстановить это гениальное сочинение. Оно стало предвестником того, что потом произошло с Рахманиновым и что случилось в XX веке.

Мы записали все симфонии Александра Гречанинова, замечательного русского композитора, который был забыт в России. Мы записали и исполнили 45 концертов Дмитрия Бортнянского. В свое время это запрещалось делать, потому что музыка была церковной. Кстати, диски записаны в Смоленске в Успенском соборе, настоятелем которого был тогда нынешний патриарх Кирилл. Мы были еще совсем молодые ребята. А он рассказывал нам о соборе, о Смоленске, угощал чаем, был демократичен в общении. Это человек, который любит и понимает музыку. Помню, как мы писали на хорах в соборе, а он сидел в алтарной части и слушал.

— Духовность и семья — понятия неделимые. Какую роль сыграла семья в вашей судьбе?

— Мы жили в не очень большом достатке, в семье было трое сыновей. Отец — инвалид войны, всю жизнь честно работал, несмотря на то, что на протезах ходил. Мама тоже всегда была при деле. Мы с детства знали, что такое заработать на хлеб. Я трудился с ранних лет, поэтому и детей с внуками так воспитываю. Неважно, кто твои родители — ученые, артисты или простые рабочие, важно, какие они внутри, чем живут, чем дышат. Лично у меня есть украинские корни, бабушка и мама из Украины, двоюродная тетка — народная художница Украины Екатерина Белокур. Когда мы в Москве исполняли оперу Прокофьева «Семен Катко» — это о революции, о первой мировой войне на Украине — в качестве декораций использовали ее картины с цветами. Она потрясающе писала цветы. И вот это сочетание войны с той красотой и природой сильно, до боли в сердце, контрастировали.

— Вы признанный человек, вас в России ценят и любят. Но наверняка вас иногда посещала крамольная мысль, что за границей вы могли быть более обласканы?

— В свое время мне предлагали уехать учиться в Австрию, на стажировку к Караяну, были предложения переехать в Рим. Но ради хора я не стал этого делать.

— Несмотря на то, что вас за приверженность к церковной музыке притесняли?

— Отдельные люди предлагали мне не дирижировать Сидельникова, Шнитке, Бортнянского, я 14 лет был вообще не выездной. Но я ничего не потерял. Все неурядицы мне компенсировало то, что я занимался любимым делом. Считаю, что работать в Москве и выступать перед российской, белорусской, украинской публикой лучше, она больше чувствует и понимает эту музыку. Нужно тут пожить, подышать

этим воздухом, почитать книги, историю. Одно время очень увлекался историей, мне было страшно интересно. У нас богатейшее культурное наследие. Полоцкие князья, Киевская Русь — все мы дети из одного ковчега.

— Вас не расстраивает то, что на концертах классической музыки больше возрастного зрителя, чем молодого? Может, то, чем вы занимаетесь, в будущем вообще обречено?

— После распада СССР на концерты приходила публика старше 50. А вот сейчас в Москве пошла такая тенденция — очень много молодежи стало ходить на наши концерты. Это студенчество, которое интересуется духовной музыкой. И задача телевидения, которое, на мой взгляд, с этим не справляется, — пропагандировать это. Ведь нельзя любить того, чего не знаешь. Сегодня транслируются вещи, для которых однозначно нужна цензура. А вот прекрасного, к сожалению, не хватает.

Записала Нелли ЗИГУЛЯ. Фото автора.
zigulya@viazda.by

